

Мозаика судеб

БИОФАКОВЦЕВ МГУ *1930-1960* годов поступления

TOM I

1930–1950-е годы

Под общей редакцией профессора М.В.Гусева

Товарищество научных изданий КМК
Москва • 2007

всю жизнь.

Течение нашей студенческой жизни резко изменилось — как и всех вообще — летом 1941 г. Мы проходили летнюю практику на Звенигородской биологической станции. В выходной день поехали в Москву и здесь узнали о начале войны. Я с Любой и Ирой во время учебы на II курсе прошла курсы медицинских сестер, поэтому мы были направлены на организацию госпиталей. Первой нашей работой было устройство госпиталя в здании средней школы в проезде Шмидта. В ночь, когда мы остались на рабочих местах, ожидая прибытия раненых, был налет фашистских самолетов на Москву, один из сильнейших. Впоследствии охрана неба над Москвой была резко усиlena, а в ту ночь больше всех пострадали районы Арбата и Красной Пресни. Здание школы, в которой мы находились, сохранилось, но к размещению в нем раненых оказалось совсем непригодным. Потом мы работали в госпитале, находившемся в нынешнем Доме журналиста на Никитском бульваре, а также в других — куда посылали.

Дать однозначные ответы на вопросы 4—5 анкеты трудно, так как и студенческие курсы (их состав), и учебный процесс заметно нарушились. Часть студентов ушла на фронт. Были призваны в армию и Люба, и Ира, жившие в Сокольниках (призыв велся по районам). Мальчиков в нашем приеме 1939 г. вообще было немного, так как именно осенью этого года их призвали в армию сразу после школы, независимо от поступления в вуз. Вскоре после начала войны занятия в университете возобновились, но затем часть МГУ уехала в Ашхабад. Многие студенты по тем или иным причинам оказались в разных местах.

В октябре 1941 г. мы с моей мамой, сотрудницей аппарата АН СССР, отправились "на перекладных" в Казань, а затем в Свердловск, где находились в то время учреждения Академии Наук. Живя в Свердловске, я участвовала в экспедиции особого назначения АН. Экспедиция работала по заданию Министерства (тогда Наркомата) Обороны. Мы обследовали на Урале и в Западной Сибири пещеры и неработающие шахты на предмет использования их в качестве хранилищ. Я была коллектором и чертежником. Так я пропустила один учебный год, а затем университет перевелись из Ашхабада в Свердловск, и я восстановилась на III курсе. Надо было совместить продолжение учебы с работой. Для МГУ в Уральском индустриальном институте (УИИ) были выделены часть помещений на двух этажах. Было тесно, часть оборудования осталась нераспакованной, ящики служили и столами и стульями. Но мы учились, и это было замечательно.

Теперь группы III курса были составлены уже по кафедрам, т.е. по специализациям. Группы объединяли как студентов, приехавших из Ашхабада, так и тех, кто приехал в Свердловск из других городов (как я). В этой группе у меня появились друзья, ставшие моими ближайшими друзьями на всю жизнь — Инина Келер-Степанова (приехала из Ашхабада) и Клава Ломазова (из Днепропетровска). Совмещать учебу и работу было трудно, без помощи друзей я, как говорится, пропала бы.

Из преподавателей того времени мне хотелось бы сказать о Марке Викторовиче Кирзоне, и не только потому, что он интересно читал курс физиологии, — преподавали все хорошо. Дело в другом. Прошу простить за небольшое отступление. Мы все, студенты и преподаватели, жили в Свердловске на глазах друг у друга, и зачастую трудные бытовые вопросы привлекали наше внимание. Так вот, Марк Викторович ни разу не заговорил с нами на бытовые темы. А общались мы много. Во внеучебное время он беседовал с нами о литературе, об искусстве, о всем многообразии мира, прививая нам новые и новые интересы. Не знаю, смогут ли оценить сегодняшние студенты, как это важно было особенно тогда.

После года пребывания на Урале МГУ вернулся в Москву. Обычная для военного времени жизнь восстановилась не сразу. Так например, летом между III и IV курсами (каникул не было) в один из дней нам в аудитории объясняли, что завтра утром мы едем под Серпухов на трудфронт — заготавливать дрова для Москвы. И мы, девчонки, стали не-

плохими лесорубами. Нас даже не хотели отпускать назад на учебу.

О том, какие преподаватели и формы занятий произвели на нас (в данном случае на меня) наибольшее впечатление говорить нельзя. Слишком в разных условиях протекал для нашего поколения учебный процесс. Обычные занятия на I и II курсах, начало III еще в Большой Зоологической аудитории, потом Ашхабад (для некоторых) и лекции на ящиках в УИИ, трудфронт по возвращении в Москву и, наконец, IV и V курсы на кафедре физиологии животных на третьем этаже зоологического корпуса. И преподаватели менялись. Из профессоров и преподавателей, у которых я училась все пять лет, назову лишь некоторых. И не потому, что другие были хуже, просто поименовать всех не помню. Профессор Строганов Н.С., Зенкевич Л.А., Отнер С.И., Роксин Г.И., доцент Левинсон Л.Б. Преподаватель практикума по беспозвоночным Яков Аввадьевич Бирштейн. Профессор Кан И.Л., у которого я слушала начало курса физиологии животных. Профессора кафедры анатомии и антропологии М.А. Гремяцкий и Яков Яковлевич Рогинский. У каждого из них преподаваемый предмет оказывался не только интересным, но и очень значимым, необходимым для биолога любой специализации. Так получалось истинно университетское образование.

Свою же специальность — физиологию животных — мы приняли на кафедре как свою жизнь. И огромное место в этой жизни занял Большой практикум.

Надо сказать, что понятие "курс" у нас было не таким, как у предыдущих и немного отдаленных последующих поколений. Я уже говорила о большом смешении соседствующих (иногда и не очень близко) курсов во время войны и в первые послевоенные годы. Состав каждого курса при поступлении и при выпуске через пять лет заметно отличался. Для нас было ближе понятие "кафедра". Студенты данной группы кафедры больше знали тех, кто учился на этой кафедре до и после них. И еще студентов других кафедр, сколько-нибудь близких нам по своей специальности. Для нас это были кафедры биохимии животных, динамики развития (не могу сейчас сказать, с кем и почему эта кафедра слилась впоследствии), гистологии, физиологии и биохимии растений.

На нашей кафедре в своей группе — 13 девушек — мы были очень дружны. Мы слушали замечательные спецкурсы, например П.К.Анохина и Б.И.Лаврентьева. С нами много разговаривали зав. кафедрой Х.С. Коштоян, доценты — тогда — М.В.Кирzon и М.Е.Удельнов, В.А.Шидловский.